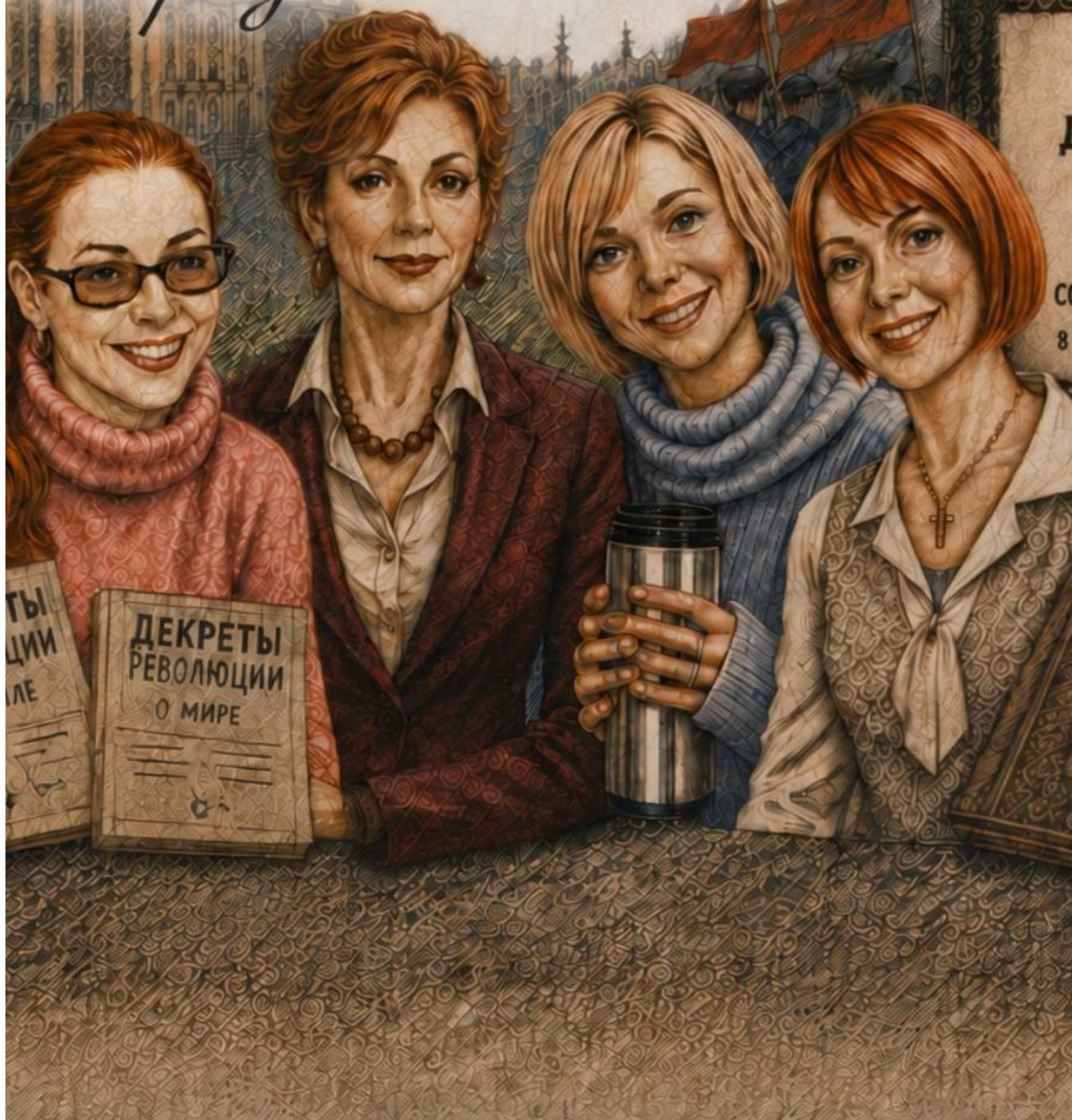

Елена Юстинина

Подруги о протоколу

Продолжение

Елена Юстинина

**Подруги по протоколу.
Продолжение**

«Автор»

2026

Юстинина Е.

Подруги по протоколу. Продолжение / Е. Юстинина — «Автор», 2026

Судебный процесс по одной квартире Аркадия Львовича вроде бы поставил точку — но на самом деле открыл дверь в новую, ещё более запутанную историю. Наследство СтройКома, таинственная «папка», семейные хитросплетения и неожиданные союзники: богатый глава холдинга, решительный молодой юрист Денис и пятеро подруг, для которых протокол — не только профессия, но и стиль жизни. Елена, Вера, Ира, Катя и Надя умеют слушать, ждать и сойтись в одну команду тогда, когда это нужно больше всего — чтобы распутать секреты, сохранить дружбу и поставить всё на свои места. Лёгкая ирония, юридическая интрига и тёплая человеческая драма — книга для тех, кто любит остроумные диалоги, семейные тайны и уверенных героинь.

© Юстинина Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Юстинина

Подруги по протоколу. Продолжение

Автор: ЕЛЕНА ЮСТИНИНА

Иллюстрации: ЕЛЕНА ЮСТИНИНА

ПОДРУГИ ПО ПРОТОКОЛУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

«Рассказ является художественным произведением. Художественно-публицистические сцены созданы на основе судебной юридической практики.

Реальные исторические лица и события используются автором в художественной интерпретации. Часть персонажей, диалогов и сцен вымышленна.

Описанная в рассказе история завещания, связанные с ним события, документы, диалоги, мотивы и поступки персонажей являются полностью художественным вымыслом автора и не имеют отношения к реальной биографии указанных лиц, их подлинным завещаниям, наследникам или имуществу».

Часть первая. Аркадий

Глава 1. Запах старых бумаг и новых секретов

Одной из крупнейших строительных компаний России руководит Аркадий Львович. Описать этого человека одним словом невозможно. Он не просто бизнесмен, он человек, способный совершать поступки. Встреча с ним не просто разговор, а целая игра в шахматы, где каждый ход просчитан, но подчас неожиданный.

К людям Аркадий относится с техничным холодом, словно к сложному механизму: расположение надо заслужить, и для этого не требуются подвиги — достаточно пяти минут общения, чтобы прочесть человека насквозь. И если он решит прекратить контакт — вежливо, но бескомпромиссно, его решение будет окончательным.

Он стал главой холдинга вовсе не благодаря собственным усилиям или феноменальным талантам, а по наследству. Отец, понимая уникальность сына, завещал ему сто процентов уставного капитала ООО «СтройКом». Ценил в нем интуицию и жизненное чувство юмора — качества, которые в бизнесе зачастую важнее дипломов и тонких расчётов. Умение рассмеяться, когда всё вокруг идет к черту, помогает Аркадию сглаживать конфликты и создавать связи, которые не разрушит время.

Эта особенность стала его ключом к успеху. На первых же переговорах он умудрялся очаровать собеседника, подготовив предложение, от которого нельзя было отказаться.

Казалось, как может чувство юмора способствовать развитию бизнеса. А очень просто. Все деловые люди умеют ценить это чувство. Это чувство помогает налаживать деловые связи. Человек умеющий сгладить конфликт и получить симпатии оппонентов дорогого стоит. С ним захотят встретиться вновь и продолжить разговор, потому что он заинтересовал своей харизмой всех.

При жизни отца он отказывался работать в компании. Считал себя недостаточно грамотным в сфере строительства, экономики, налогообложения, бухгалтерии, юриспруденции и т.д. Не понимал, как можно отвечать за работу специалистов, не зная каким требованиям должен отвечать результат. Отказаться от наследства не мог. Слишком дорога была компания. Руководство принимать было страшно... Да и папка эта загадочная, о которой в завещании ни слова... Самому не осилить разгадку, нужен креативный юрист, который нестандартно мыслит.

Глава 2. В поисках надежды

Аркадий не мог справиться с разгадкой тайны один. Было решено найти помощника-юриста — человека, кто проникнется делом, сможет мыслить шире и глубже. В списках друзей отца был один человек, которому он доверял. Аркадий позвонил ему: «Как ваш сын? Продолжает ли карьеру в юриспруденции?»

Отец Аркадия и отец Дениса Алексеевича Соколова были давними друзьями. Их связывали не только семейные отношения — они уважали друг друга и с уважением относились к профессиям сыновей.

Отец Дениса пригласил Аркадия к себе в гости, пообещав, познакомить его с сыном.

В гостях Денис и Аркадий погрузились в разговор. Денис, недавно разведен, рассказал о новых и старых проблемах. О том, как покинул бывшую жену и дочурку, переехал к отцу, но продолжал бороться с обычной, но сложной судебной машиной.

Он рассказывал о нескольких судебных процессах, делился тонкостями и секретами, которых не найти в книгах. Его ясность мышления, способность видеть сквозь формальности и умение обращать отказные решения в преимущества поразили Аркадия.

В этот вечер решение созрело: именно Денис — тот самый юрист, который станет плечом и орудием.

Предложение Аркадия было принято и скреплено рукопожатием.

Глава 3. Утро новых открытий

Проснувшись в холодном утреннем городе, Аркадий вновь задумался о предстоящем, о делах, о людях, о жизни, которая неожиданно вступала в новую фазу.

Он всячески пытался не думать о том вечере, когда сделал Вере предложение, подарив ей кольцо. Если от нее нет ответа, это не значит – отказ. Здесь два варианта: если она не хочет принимать предложение – нет смысла ей звонить; если она пока не готова – она сама позвонит. Надо просто ждать....

С помощью Дениса он погрузился в документы, раскладывая по полочкам семейные тайны и юридические хитросплетения, напоминая игрока в сложную партию, где каждый неверный ход ведёт к поражению.

Но на горизонте уже возникал иной сюжет. И тайна «папки» — наследства, которого никто не видел, но которое начало менять всё.

Часть вторая. Вера

Глава 1. Утро, которое не звонит

Вера проснулась раньше будильника.

Такое бывало редко. Обычно её поднимал либо будильник, либо Никита, либо Депозит, либо совесть — но в это утро все трое, кажется, решили дать ей передышку. Было тихо. В квартире стоял тот самый мягкий утренний порядок, который существует только полчаса в сутки: пока ещё не зашуршали тапки по линолеуму, не хлопнула дверца холодильника, не завибрировал телефон и не началась нормальная человеческая жизнь с её бумажками, макаронами и срочными вопросами.

Вера лежала и смотрела в потолок.

Потолок был знакомым до последней трещинки. Та самая трещинка возле люстры снова напоминала ей развилку. Только теперь развилка была не абстрактной. Теперь у неё было имя. Аркадий. И кольцо. И автомобиль внизу, у подъезда, красный, как наглое обещание.

Аркадий сделал ей предложение. Не как в кино. Без оркестра, без падения на колено под дождём и без толпы свидетелей, хлопающих в ладоши. Аркадий просто посмотрел на неё так, будто давно всё решил, и сказал:

— Выходи за меня.

И Вера, которая умела выдерживать судебные заседания, допросы, капризных должников и подростка с характером, вдруг осталась без ответа.

Не потому что не хотела. Потому что испугалась.

А потом — кольцо, изумруд, зелёный свет, тёплая коробочка, его руки, его голос, его спокойствие. И ночь, в которой она так и не смогла уснуть нормально, потому что всё время слушала тишину телефона. Потому что была уверена: утром он обязательно позвонит. Обязательно начнёт уговаривать. Скажет что-нибудь вроде:

— Вер, ну не глупи. Я серьёзно. Давай поговорим.

И Вера заранее даже приготовила ответы. Едкие. Острые. Смешные. Женские. Те, которыми удобно защищаться от счастья.

Но телефон молчал. Она взяла его в руку, посмотрела на экран.

Ноль сообщений. Ноль звонков. Ноль Аркадиев.

— Ну, конечно, пробормотала она в потолок. Кто бы сомневался. Олигархический принцип: вчера предложил, сегодня исчез.

Из кухни донёлся звон ложки о кружку. Никита уже проснулся.

А ещё через секунду телефон всё-таки завибрировал. Вера вздрогнула так резко, что Депозит, спавшая на спинке кресла, открыла один глаз и укоризненно посмотрела на хозяйку.

Но это был не Аркадий. Номер — незнакомый. Сообщение — короткое.

«Привет. Это Денис.

Если не против, давай увидимся.

Я очень хочу тебя увидеть».

Вера смотрела на экран долго.

И вдруг — такое простое, почти будничное сообщение. Без пафоса, без извинений, без объяснений. Просто: давай увидимся.

Будто не было между ними пятнадцати лет, одного исчезновения, одного слишком короткого романа и слишком длинной паузы.

Вера встала, подошла к окну, отодвинула штору. Во дворе стоял её Smart. Маленький, красный, и абсолютно серьёзный.

— Вот это уже поворот, сказала Вера тихо. Смартфон снова дрогнул в руке. Новое сообщение.

«Я знаю, что прошло много лет. Но если не хочешь, я пойму».

Она ещё раз перечитала. Потом села, потом снова встала. Потом сделала то, что делала всегда, когда жизнь подкидывала ей что-то подозрительно важное: пошла на кухню, поставила чайник и начала думать...

И всё равно — пока чайник шумел, пока Никита громыхал ложкой, пока Депозит прыгивала на пол с выражением кошачьей философии, Вера ждала одного звонка.

От Аркадия. Но он так и не позвонил.

И в этом молчании было что-то слишком ровное. Слишком гладкое. Слишком неслучайное.

Глава 2. Собирали всем миром

На работе Веру встретили, как встречают человека, который собирается либо на свидание, либо в ЗАГС. В её случае, скорее всего, всё сразу.

— Ну? — первым делом спросила Оля, едва Вера вошла в кабинет.

— Что ну? — Вера попыталась изобразить удивление, но получилось неубедительно.

— Ты не светишься, значит, ещё не сказала нам главную новость.

— Какую именно главную?

— Про Дениса, тихо и убийственно точно произнесла Катя, не отрываясь от документов. Вера замерла.

— А что, уже все знают?

— Вера, сказала Ира, у нас в суде секреты живут меньше, чем бутерброд в комнате отдыха. Особенно если ты пришла с лицом «я сейчас либо влюблюсь, либо подам в отставку».

Надя, уже перешедшая в уголовный корпус, заглянула в кабинет буквально на минуту, с кружкой кофе в руках и выражением лица человека, который знает всё и не удивляется почти ничему.

— Дай угадаю, сказала она. Аркадий не звонил.

Вера молча кивнула.

— А Денис написал, добавила Надя.

Вера снова кивнула.

— Угу, — Надя сделала глоток кофе. Ну, всё, понеслось.

Оля вскочила.

— Что надевать?

Вера открыла рот:

— Оля, я ещё сама не...

— Нет-нет-нет, замахала руками Ира. Это уже не обсуждается. Если спустя пятнадцать лет мужчина зовёт на встречу, тут всё по науке. Нужен образ. Нужен удар. Нужна легкая случайность, которая выглядит как продуманный успех.

— Это как? — спросила Вера.

«Это как будто ты случайно выглядишь шикарно», — сказала Катя, и все на секунду замолчали, потому что формулировка была безупречной.

— Отлично, буркнула Вера. Осталось понять, как случайно выглядеть шикарно, когда у тебя работа, ребёнок и хроническая усталость.

— Очень просто, сказала Оля. Мы тебе поможем.

И началось.

Сначала — платье.

Потом — обувь.

Потом — причёска.

Потом — бельё.

Потом — почему-то зона бикини, от которой Вера хотела убежать в архив и не возвращаться.

— Девочки! — взмолилась она. Мы же на работе!

— Тем более, отрезала Надя. На работе надо решать всё чётко и заранее. Потом уже поздно.

— Зону бикини тоже заранее? — простонала Вера.

— Особенно её, невозмутимо сказала Ира.

Оля прижала ладони к щекам и произнесла почти мечтательно:

— Я считаю, что после пятнадцати лет разлуки нельзя идти на свидание с чем попало. Там всё должно быть, как на обложке Космополит.

— Боже мой, Вера схватилась за лоб. Ты ещё вспомни, как там в Космополит советовали «соблазнять мягко и уверенно».

— А ты читала? — оживилась Оля.

— Конечно читала. Мы все читали. Там же были статьи из разряда: «Пять способов понять, что он готов к серьёзным отношениям, по разным признакам, например, по тому, как он держит чашку».

Катя тихо усмехнулась:

— И ещё: «Если он не перезвонил, значит, он либо занят, либо боится глубины ваших чувств, либо не достоин вас».

— О, радостно сказала Ира. И там ещё было: «Наденьте кружевное бельё — это придаёт уверенности».

— Вот, подхватила Надя. С бельём вообще отдельная история. Помню, как одна знакомая купила комплект, а потом весь вечер боялась, что это бельё не для свидания, а для психотерапии. Потому что дорогое и красивое, а надевать страшно.

Оля прыснула:

— Это как сапоги на шпильке. Смотришь на них и думаешь: я в них красивая или это уже медицинский риск?

— Вера, — Катя посмотрела на неё поверх очков, если хочешь, у меня есть красное платье.

— У тебя? Красное?

— Да. Очень спокойное. Почти не вызывает вопросов.

— Красное платье не может быть спокойным, фыркнула Ира.

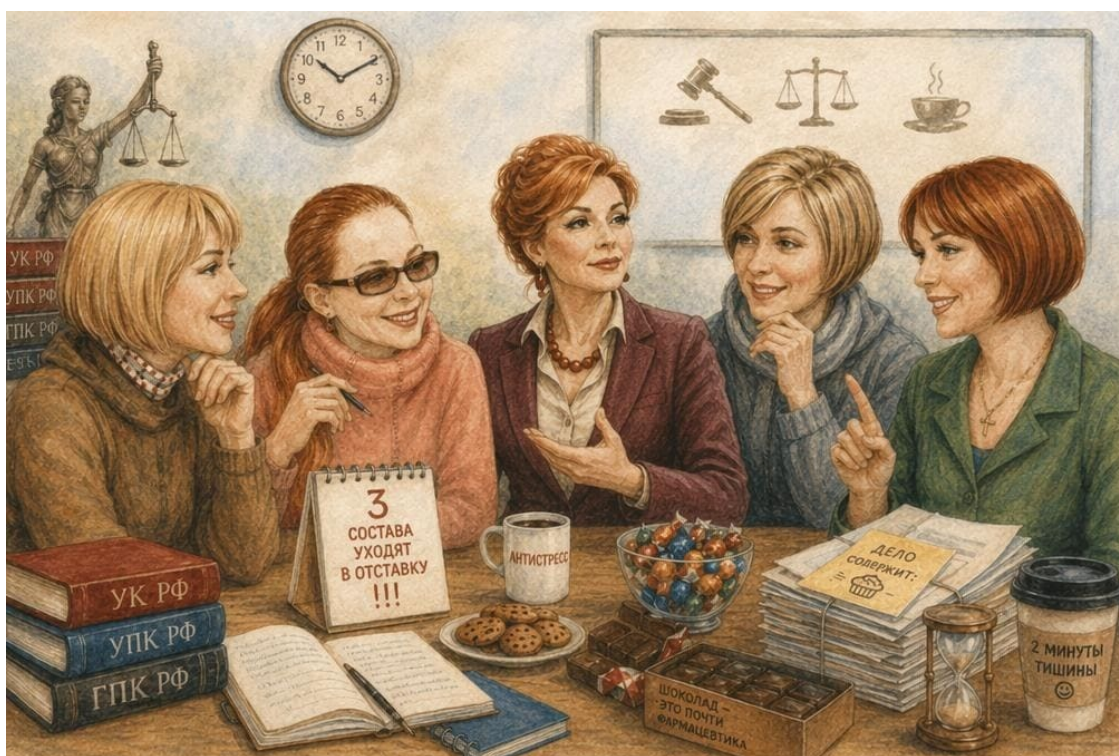
— Может, если его повесить в шкаф и не трогать, сухо сказала Катя.

Все засмеялись.

Потом перешли к волосам.

— Нужна стрижка, — объявила Надя.
— Какая? — насторожилась Вера.
— Не «какая», а «как». Сейчас у женщин стрижки — это отдельная философия. Есть «каре уверенной в себе женщины», есть «каскад человека, который только что развёлся», есть «пикси, потому что мне всё надоело».
— А мне что надо? — спросила Вера.
— Тебе? — Оля задумалась. — Тебе надо что-то между «я сильная» и «я не кусаюсь».
— Это какая стрижка?
— «Мягкая дерзость», — серьёзно сказала Катя. — Или «психологическая стойкость».
Или «обаяние под протокол».
— А если покороче? — хмыкнула Ира. «Стрижка свидания с последствиями».
Вера закрыла лицо руками.
— Господи, да вы из меня сейчас не женщину, а постановление сделаете.
— Ну и что? — Надя пожала плечами. Постановление тоже должно быть красивым.
И снова смех. Тёплый. Женский. Без злобы. Такой, после которого в кабинете будто становится легче дышать.

Глава 3. Гражданские, уголовные и антистресс

Но тут Катя вдруг, как это обычно с ней бывало, перевела разговор в другую плоскость. «Девочки, — сказала она тихо», — говорят, три судьи уходят в отставку. Тишина упала в кабинет почти физически. Вера первой опустила руки.
— Кто?
— Пока неофициально. Но уже все шепчутся.
— Три? — переспросила Ира. Совсем три?
— Совсем, кивнула Катя. И у нас, между прочим, судей и так не хватает. Мы держим нагрузку за положенные восемь шестью составами. А тут ещё три состава выпадут.

— Ужас будет какой-то, выдохнула Надя.

Она уже перешла в уголовный корпус, и на лице у неё была не паника, а то самое спокойствие, с которым люди говорят о неприятных, но решаемых вещах.

— Указ президента о назначении новых будет не раньше, чем через полгода, сказала она. Если не позже. Так что держитесь, гражданские. Будем помогать, чем сможем.

Ира кивнула.

Она тоже работала теперь в уголовном корпусе, и в её голосе была та же усталость, но уже без надрыва.

— Девки, не переживайте. Поможем, чем сможем.

— А как там у вас? — спросила Оля, сразу переключившись на новую тему. Правда, что в уголовных делах всё спокойнее?

Надя хмыкнула:

— Спокойнее — не то слово. Уголовные и гражданские процессы вообще в корне разные. Там суд руководствуется Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами. Заседание может проходить каждый день. И через неделю дело уже рассмотрено.

— А у нас, добавила Ира, бывает так, что дело лежит, зреет, созревает, а потом ещё чуть-чуть и, кажется, начнёт требовать уважения к себе.

— Наш город, сказала Надя — не Чикаго. Разгула преступности нет. Поэтому у нас в уголовном корпусе работа менее нервная, чем у гражданских. У нас можно и журналчик почистить на рабочем месте, и пасьянс разложить. И при этом все отчёты сдавать вовремя.

— Это звучит подозрительно комфортно, заметила Вера.

— Так и есть, — кивнула Надя. Судьи-криминалисты говорят: поступившее дело должно вылежаться. Созреть. Как хорошее вино. Или как тесто на пирожки.

— Или как некоторые мужчины, тихо вставила Катя.

Ира прыснула:

— Вот именно. В гражданском процессам всё как будто в бане: заходишь — и тебя уже жарят. А по уголовным — как в прохладной кладовой. Тихо. Спокойно. Даже приятно.

— А антистресс? — спросила Оля с любопытством.

— О, антистресс у нас есть всегда, Надя довольно улыбнулась.

— У Елены Роговой, сказала Вера, после гражданского процесса такой вид, как будто её только что вынули из бани и забыли облить холодной водой.

— Так и есть, кивнула Ира. Она потом идёт к нам жаловаться на стресс. И мы её спасаем.

— Потому что вы у нас САНИТАРЫ СУДА, заметила Катя.

— Мы — оплот стабильности, торжественно сказала Надя. И если кого-то накрыло гражданским процессом, у нас всегда найдётся антистрессовый продукт.

— Ты сегодня это слово произносишь так, будто это лекарство, засмеялась Вера.

— А разве нет? — удивилась Надя. Для некоторых — это почти фармацевтика.

Глава 4. Что надеть, если тебя ждали пятнадцать лет

К вечеру кабинет превратился в импровизированный салон моды, парикмахерскую и отдел стратегического планирования одновременно.

На столе лежали варианты одежды:

зелёное платье — «слишком эффектно»,

чёрное — «слишком трагично»,

синее — «слишком на работу»,

бордовое — «слишком Елена»,

кремовое — «слишком похоже на выпечку».

— Зелёное, — сказала Надя после долгого осмотра. Однозначно.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что оно не кричит. Оно шепчет. А шёпот на свидании иногда сильнее крика.

— А обувь? — не унималась Оля.

— Не шпилька, — твёрдо сказала Катя. — Не надо начинать с обещания мучений.

— Тогда лодочки?

— Семь сантиметров, — кивнула Ира. Самое то. Не экзамен по выживанию, но и не домашние тапки.

— А волосы? — Вера уже почти смирилась с тем, что её судьбу сейчас решают пятеро женщин.

Ира задумчиво посмотрела на неё.

— Тебе бы мягкую укладку.

— Это как?

— Когда волосы не спорят с лицом, а поддерживают его, объяснила Катя.

— Очень поэтично, — хмыкнула Оля. — Как в Космополит: «Мягкие волны — залог успешного вечера».

«Космополит вообще много чего обещал», — сказала Надя. Помните, как там писали про бельё? «Выбирайте комплект, который подчёркивает уверенность». А по факту ты сидишь в кружеве и думаешь: если я сейчас чихну, это будет публичная катастрофа.

Все прыснули.

Ира, смеясь, добавила:

— А ещё у них всегда были истории из жизни кутюрье. Помните, как в одном номере рассказывали, что великий модельер якобы мог определить характер женщины по тому, как она застёгивает пуговицы?

— Ну, это почти как судья по ходатайству, — заметила Катя.

— Ага, — согласилась Вера. — Если пуговицы не сходятся — значит, женщина не виновата, а просто форма не та.

— Вера, — Оля вдруг оживилась, — а бельё?

— Что бельё?!

— Ну, бельё же тоже важно.

— Оля, — Вера страдальчески закатила глаза, — ты хочешь, чтобы я шла на свидание или на сдачу норматива по нервному срыву?

— Бельё — это база, — совершенно серьёзно сказала Ира. — Хорошее бельё всегда держит спину женщины лучше, чем некоторые мужчины.

Громкий смех.

Даже Катя улыбнулась по-настоящему.

И тут, как бывает только у них, разговор внезапно изменился.

— Девочки, — сказала Катя, и голос её стал почти будничным, — а ведь вы слышали? Одно из новых дел про лишение родительских прав.

Все разом замолчали.

— Какое ещё дело? — спросила Вера.

— Там у мужика жена сбежала за границу, во как он ее достал. Не простой дядя. Чувствую, тот еще процесс будет. Не повезло Ленке. Их составу передали на рассмотрение.

Часть третья.

Денис и залоговая арифметика

Глава 1. Человек, который любил сложные двери

Денис Соколов любил свою работу так, как некоторые люди любят дорогие часы, старый джаз или кофе, сваренный не в автомате, а по-человечески. Он не просто работал — он входил в дело, как в закрытую комнату, и прежде всего ему хотелось найти не ключ, а механизм. Ему нравилось то, что другие называли безнадежным: сроки, которые уже почти ушли; документы, которые будто бы не существовали; реестры, которые упорно не сходились; наследства, которые висели в воздухе, словно забытый зонтик в чужом коридоре.

Если остальные уставали от тупиков, Денис, наоборот, оживал.

В такие минуты он становился особенно собранным: кожаная папка под мышкой, карандаш за ухом, телефон на беззвучном, взгляд — очень спокойный, почти ленивый. Но эта лень была обманчивой. Внутри у него всё работало быстро, как хороший сервер, который ещё не решил, давать ли доступ к данным.

В день, когда он впервые вошёл в офис Аркадия Львовича, город был серым, ветреным и пах мокрым снегом. Утром улицы блестели, как отполированный металл, а к обеду превратились в кашу из талого льда и грязи. Денис пришёл вовремя, даже раньше. Он вообще не любил опаздывать. Опоздание, по его мнению, было разновидностью профессиональной лени, а лениться он не умел.

Секретарша в приёмной посмотрела на него с той особой деликатной настороженностью, с какой обычно смотрят на человека, способного задавать очень неудобные вопросы без повышения голоса.

— Денис Алексеевич? — уточнила она.

— Да.

— Аркадий Львович ждёт.

— Я знаю, ответил Денис и, чуть улыбнувшись, добавил: — Я тоже его жду. Только, кажется, по разным причинам.

Секретарша не поняла, но это её не обидело.

Глава 2. Протокол безопасности

Аркадий встретил Дениса не в кабинете, а в переговорной — той самой, где стол был длиннее некоторых судебных процессов, а вода в графинах стояла так, будто её никогда не пили и не собирались.

Аркадий Львович был в сером костюме, без галстука. Седые виски, спокойные серые глаза, аккуратная папка в руках. Он выглядел как человек, который уже всё понял, но предпочитает слушать, чтобы проверить, как далеко собеседник зайдёт сам.

«Доброе утро, Денис Алексеевич», — сказал он.

— Доброе, Аркадий Львович.

— Садитесь.

Денис сел. Положил на стол свой блокнот. Аркадий бросил на него короткий взгляд и кивнул, словно отметил важную деталь: человек пришёл не с пустыми руками и не с пустой головой.

— Добро пожаловать. «Я помню, что вы человек, который умеет вытаскивать из болота даже то, что там уже прижилось», — произнёс Аркадий.

— Я люблю трудные задачи, — ответил Денис. В простых быстро становится скучно.

— Это хорошо. У нас скучно не будет. Приступайте. Ваш кабинет готов.

Когда Денис покинул кабинет, Аркадий вызвал к себе водителя Сергея.

- Помнишь протокол безопасности? Я на тебя надеюсь.

- Обижаете, Аркадий Львович...

Водитель знал, что у Аркадия строгие правила в целях безопасности. Надо первую неделю проследить за новеньким сотрудником. Где фактически живет. С кем общается. Контра солидная, много активов, расслабляться нельзя. Как говорится: доверяй, но проверяй.

Сергей немедленно приступил к своим прямым обязанностям начальника службы безопасности. Для всех он был просто водитель, а для Аркадия это первое доверенное лицо, друг семьи и начальник службы внутренней безопасности. Об этом знали только Аркадий и Сергей.

Сергей позже доложил Аркадию без эмоций, как докладывают о погоде:

— Денис заезжал во двор к Вере Кольцовой. Стоял. Смотрел на окна. Потом уехал.

Аркадий ничего не спросил сразу. Только кивнул. И это был тот самый момент, когда он понял две вещи. Первая: Дениса и Веру что-то связывает. Вторая: лучше отправить его в командировку сегодня, чем потом делать вид, что ничего не замечал.

Глава 3. Папка

В этот же день Денису открыли архивную комнату — маленькую, душную, пахнущую бумагой, пылью и старым картоном. Там было сухо, тихо и очень по-канцелярски. Так тихо, что слышно, как шуршат собственные пальцы по папкам.

Он пришёл туда искать один платёжный пакет по делу Уткина — тому самому, где сроки уже поджимали. Без доказательств делать в суде нечего, и Денис прекрасно об этом знал. Дело обещало быть тяжёлым, но Денис любил именно такие. В них всегда скрывался нерв, а нерв — это смысл работы.

Сначала он искал в общем архиве. Потом в отдельной секции. Потом — в старом шкафу, куда никто не заглядывал годами, потому что дверца заедала и открывалась с характерным стоном, как старый человек, которого поднимают с дивана против воли.

Именно там он и наткнулся на папку.

Старая, толстая, с выцветшей обложкой. На корешке — почти стёртая надпись. Не дело, не договор, не архивная опись. Что-то внутри. Схематично, как будто кто-то ее нарочно прятал.

Денис вытащил папку на свет. Пыль вспорхнула, он чихнул и открыл ее.

В ней лежали старые правоустанавливающие документы на недвижимость, выписка из реестра, уставные бумаги, документы на долю в обществе с ограниченной ответственностью. Доля составляла ровно пятьдесят процентов уставного капитала ООО «БАКС» и документ на квартиру в Москве, оформленный на это общество.

Денис замер. Потом медленно перечитал всё ещё раз.

Доля в уставном капитале. Квартира в Москве. Документы — старые, но не мёртвые. И самое странное — всё это было упаковано не как обычный корпоративный архив, а как что-то, что берегли отдельно. аккуратно. Почти как семейную тайну.

Он прижал папку к столу ладонью и тихо сказал: — Так. Это уже интересно.

Глава 4. Разговор с Аркадием

Вечером Денис вошёл в кабинет Аркадия без стука — по предварительной договорённости. Аркадий сидел за столом, смотрел в ноутбук и пил кофе из тонкой белой чашки. На подоконнике стояли пионы — уже чуть завядшие, но всё ещё упрямо красивые.

«Нашёл кое-что», — сказал Денис с порога.

Аркадий поднял взгляд.

— Уткин?

— Не только. Вот.

Он положил папку на стол. Аркадий не стал торопиться. Сначала закрыл ноутбук. Потом взял папку, открыл, молча полистал, и это молчание было тяжёлым, как складской сейф. Наконец он отложил документы.

— Где вы это нашли?

— В старом архивном шкафу. Папка была спрятана отдельно. Не среди текущих дел.

Аркадий кивнул. — Да. Её и не должно было быть там.

— Почему?

Аркадий на секунду посмотрел в окно, туда, где уже темнел двор и горели фонари.

— Потому что это наследство нашей семьи.

Денис медленно выпрямился.

— Простите?..

— Семейная история. Старая. Неудобная. Забытая — официально. Неофициально — не решённая.

— Но почему документы на недвижимость и долю в ООО лежат у вас как архивная реликвия?

Аркадий провёл пальцем по краю папки.

— Потому что мы уже пытались оформить всё как положено. И наткнулись на замкнутый круг.

Денис сел. Он уже чувствовал, как внутри начинает собираться рабочий азарт — тот самый, который всегда включался у него перед сложными, почти абсурдными делами.

— Расскажите по порядку.

Аркадий кивнул.

— 50 % доли ООО «БАКС» принадлежали моему отцу официально. Об этом есть запись в ЕГРЮЛ. Но на вторые 50 % наследство невозможно оформить. Нотариус не выдаёт свидетельство о праве на наследство на 50% доли уставного капитала, потому что в ЕГРЮЛ нет записи о собственнике этой доли. А записи нет, потому что налоговая ждёт протокол и нотариально-заверенный договор купли-продажи доли уставного капитала. А где его взять? Собственник, мой отец, он умер.

17.11.1992 ГУ Московской регистрационной палатой было зарегистрировано ТОО «БАКС», учредителями которого являлись Иванов Е.И. и мой отец. Доля каждого учредителя была равна 4 200,00 руб. 10.11.2000 между Ивановым Е.И. и моим отцом был подписан договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО «БАКС» в размере 50%, согласно которому Иванов Е.И. продал отцу свою долю в уставном капитале общества за 4 200,00 руб. Расчет между сторонами был произведен, что подтверждается актом приема-передачи и кассовым чеком. После чего мой отец стал единственным учредителем ООО «БАКС», а также его директором. Изменения в ЕГРЮЛ не были внесены.

Когда отец умер наследником по закону являюсь я, и я вступил в права наследства и получил свидетельство о праве на наследство на часть имущества. В выдаче свидетельства о праве на наследство на долю в уставном капитале ООО «БАКС» в размере 50 %, приобретенной у Иванова Е.И., нотариусом было отказано, поскольку не были внесены изменения в ЕГРЮЛ.

В связи с невозможностью внесения изменений в ЕГРЮЛ и в связи с отказом нотариуса в выдаче свидетельства о праве на наследство ООО «БАКС» не может вести хозяйственную деятельность, не может открыть счет в банке. Налоговый орган направляет мне уведомление о прекращении деятельности ООО «БАКС», а я каждый раз пишу возражения, и предприятие не исключают из реестра. Главное срок не пропустить. Ох уж эти сроки...

Красивый замкнутый круг.

Денис чуть улыбнулся.

— И давно это тянется?

— Давно достаточно, чтобы я перестал злиться и начал просто откладывать. А это, как вы понимаете, не решение.

— Да уж.

Аркадий откинулся на спинку кресла.

— Я пытался всё это разгрести сам. Но дошёл до точки, где стало ясно: нужен человек, который любит не только выигрывать, но и разбираться. Я на вас рассчитываю.

Аркадий продолжил:

— Если будет желание подумать и порешать эту головоломку, с меня премия.

— Какая?

Аркадий улыбнулся впервые по-настоящему.

— Автомобиль.

У Дениса чуть дёрнулся уголок губ.

— Серьёзно?

— Я слово держу. Всегда.

— Это дорогое обещание.

— Зато честное.

Денис перевёл взгляд на папку, потом снова на Аркадия.

— А пока?

— А пока у нас главная задача — встать залоговым кредитором по делу Уткина. Там сроки. Я не сразу занялся этим вопросом, и теперь возможен отказ. Жаль будет проиграть — всё-таки трёхкомнатная квартира. А это, согласитесь, актив дорогостоящий.

— Согласен.

— Вот и отлично. Так что, как говорится, флаг вам в руки. Работайте. Командировочные по делу Уткина и деньги на расходы получите в бухгалтерии, я распорядился. Завтра утром у вас вылет. Я закинул заявление о включении и ходатайство о восстановлении срока. После завтра заседание. Все материалы вышлю на почту. Подготовитесь к суду на месте.

Денис медленно выдохнул.

— Неплохо.

— Я стараюсь.

Денис вышел из кабинета Аркадия уже с чувством, что день получился двухслойным. С одной стороны — папка, семейное наследство, корпоративный тупик. С другой — дело Уткина, где всё было проще, но не легче: сроки, реестр, залоговый кредитор, восстановление срока, возможность отказа и очень дорогая квартира, за которую придётся побороться.

Он любил такие дела. В них не было права на расхлябанность.

Глава 5. Денис уехал в командировку.

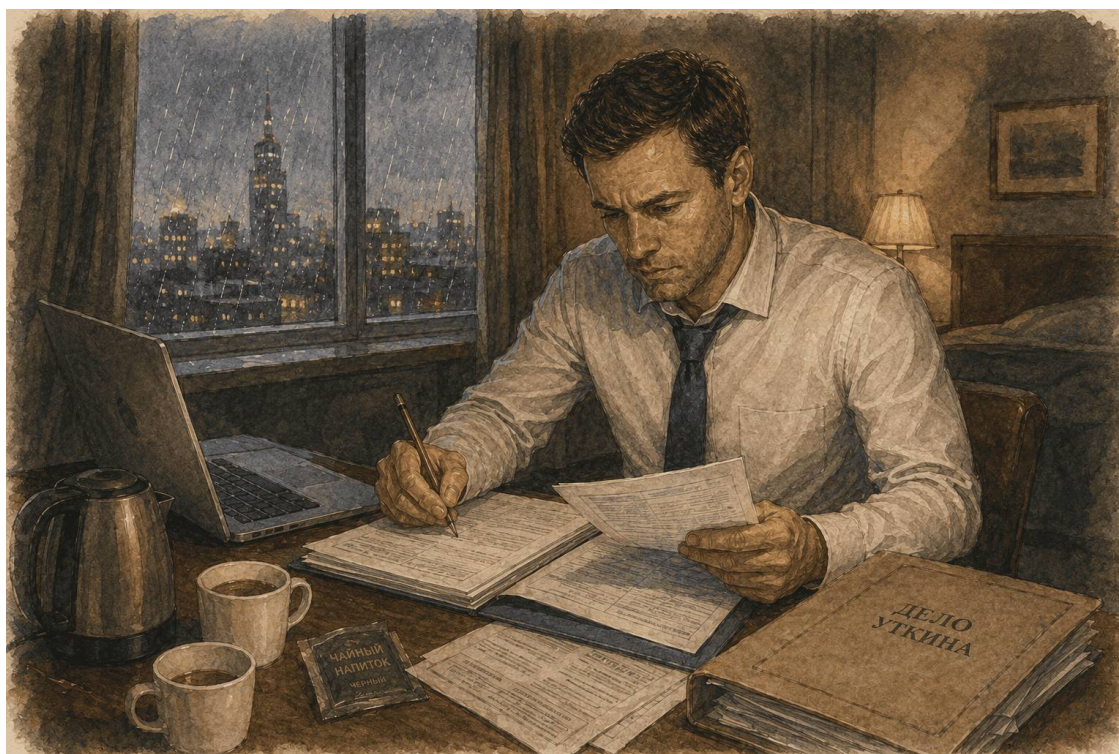
Вере написал смс. Прости. Срочное дело. Надо уехать по работе. Свидание по возвращению. Место свидания придумаю сама. С меня сценарий...

Денис скачал все материалы для заседания, в самолете прочитал и все изучил, придумал железобетонные основания для отложения судебного заседания. Уточнение требований всегда срабатывает для удовлетворения ходатайства об отложении. Невозможно увидеть сегодня проблему и завтра ее решить, подумал Денис. Пока я здесь, познакомлюсь со всеми материалами, почитаю практику по этому вопросу, дальше по обстоятельствам.

Поэтому, приехав в славный Уральский город Екатеринбург, Денис первым делом отправился в «Гринвич». Это легендарное место. Торгово-развлекательный центр «Гринвич» в Екатеринбурге — крупнейший в России по площади комплекс, — 303 000 м². Это — не просто торговый центр, а целый мир, в которыйходишь, словно переступаешь порог волшебного замка. Здесь свет мягко скользит по витринам, отражается в стекле и золоте вывесок, а коридоры манят вперед, как таинственные дорожки в сказочном лесу. Стоит сделать первый шаг — и тебя подхватывает живая река впечатлений: уютные кафе, где пахнет свежей выпечкой и кофе; магазины, за чьими окнами прячутся наряды, книги, подарки и маленькие сокровища; лестницы и галереи, с которых открывается совсем особенный, праздничный вид на этот огромный, дышащий жизнью мир. В Гринвиче легко потерять счет времени: здесь каждый поворот обещает открытие, каждая витрина — новую мечту, а каждый визит превращается в маленькое путешествие. Передвигаться лучше по компасу, можно потеряться...

Насладившись путешествием, сделав несколько фото для истории, поужинав в изысканном рыбном ресторане, Денис отправился в гостиницу отдыхать и планировать этапы решения проблемы, за которую он получит тачку. За судебное заседание по делу Уткина он не переживал вообще.

Глава 6. Банкротство и залоговый кредитор

Дело Уткина оказалось именно таким, каким Денис его и представлял: поначалу мутным, потом ясным, а затем — почти красивым в своей юридической геометрии.

Денис сидел в гостиничном номере с открытой папкой, ноутбуком и стопкой распечаток. За окном моросил дождь. На столе стоял чайник, две чашки и пакетик с дешёвым чайным напитком, который обещал быть чёрным, а оказался грустным.

Он листал материалы.

Трёхкомнатная квартира в ЕКБ (так сокращенно он называл город Екатеринбург) была залогом по кредиту. Компания Аркадия купила этот долг по договору цессии еще в 2014 году. Поначалу платежи поступали ежемесячно. Просрочки начались в 2015 году.

Процедуру банкротства ввели почти год назад. Инициатором был сам должник. Двухмесячный срок подачи заявления о включении в реестр требований кредиторов прошёл. Нужно было восстановить. И если не успеть — залоговый статус можно было потерять, а вместе с ним и право на преимущественное удовлетворение. А это уже не просто ошибка. Это почти приговор.

В банкротстве, особенно когда речь идёт о реализации залогового имущества, всё держится на трёх вещах: сроках, статусе и том, кто успел первым. Залоговый кредитор должен войти в реестр вовремя. Срок строго ограничен. С даты публикации сообщения в газете Коммерсантъ заявление в суд о включении требований в реестр должно быть подано в течении двух месяцев. Если срок пропущен, надо объяснить почему: уважительность причин, отсутствие надлежащего уведомления, сбой в документообороте, форс-мажор — что угодно, лишь бы суд увидел не халатность, а реальную причину. И ещё важно понимать: квартира — это не просто объект. Это актив. Причём актив с характером. С ним нельзя обращаться как с бумажкой.

Денис любил эту логику. Любил, что каждый ход юриста может стать решающим. Любил, что одна фраза в ходатайстве может вернуть шанс.

Он взял карандаш и начал пометки на полях.

— Восстановление срока... уважительная причина... уведомление не получено... доказательства... — бормотал он себе под нос. — Угу. А здесь — реестр, публикация, дата введения процедуры... А где уведомление должника в адрес залогового кредитора о подаче заявления в Арбитражный суд? Нет? Прекрасно! А где уведомление финансового управляющего в адрес кредитора? Нет? Прекрасно! А почему в заявлении должника в суд нас вообще нет?

Так, вот тут слабое место...

Он уже видел, как будет говорить в заседании. Спокойно. Без суеты. Сначала — по процедуре. Потом — по фактам. Потом — по тому, что закон о банкротстве любит точность, а не драму.

Но в глубине головы у него уже сидела другая мысль: если автомобиль — не шутка, а Аркадий не бросает слов на ветер, значит, дело надо доводить до конца. Не ради машины даже, а ради самого принципа.

В первый вечер после командировки Денис всё-таки написал Вере. Не сразу. Долго смотрел на телефон, потом убрал, потом снова достал. В итоге не написал ничего — потому что это оказалось слишком личным, а он пока не любил личное без проверки.

Вера, в свою очередь, ничего не знала ни о папке, ни о наследстве, ни о том, как Сергей ездит за Денисом по городу. Она только чувствовала странное: будто что-то большое снова идёт к ней через чужие бумаги, через чужие машины, через чужие договорённости.

Часть четвертая.

Морозова и люди, которые считают себя правыми

Глава 1. Утро, когда суду снова не повезло

В коридоре районного суда всегда можно было понять, какой день впереди. В то утро воздух был тяжёлым. Пахло мокрыми пальто, бумагой, старым линолеумом и чьим-то нервным одеколоном. Надя уже успела заглянуть в кабинет с уголовными делами и предупредить, что с утра у них «какой-то очень принципиальный истец». Ира только фыркнула:

— Принципиальные — это когда они правда принципиальные. А тут, скорее всего, будет мужчина, который решил, что суд — это кнопка «сделать мне приятно».

«Сегодня у Морозовой тяжёлое дело», — сказала Надя, снимая перчатки и ставя на стол чашку с кофе. — По лишению родительских прав.

Вера подняла глаза от бумаг. О, чудесно. Значит, сейчас будет семейная драма с хлопанием папками.

Катя, как обычно, ничего не сказала сразу. Только перевернула лист и тихо заметила:

— Лишить родительских прав без оснований нельзя. Даже если основания есть — сначала ограничение. И прокурор.

— Вот именно, — кивнула Надя. — И вот именно там сегодня будет жарко.

Слово «жарко» в их мире означало не температуру в зале, а степень человеческой глупости, доведённой до юридического кипения.

Татьяна Витальевна Морозова в тот день выглядела так, словно ночь провела не дома, а в шкафу с делами. Кудри её чуть распушились, под глазами легла усталость, но голос оставался ровным. Пожалуй, это было самым страшным: Морозова могла устать, но не могла стать мягче. Она не умела проигрывать хаосу.

Елена Рогова уже сидела на своём месте, перебирая повестки. Очки блеснули в свете лампы. На столе стояла чашка с крепким кофе — таким, что, по мнению Иры, он мог поднять даже районную прокуратуру из спячки.

Вера вошла, поставила папку на край стола и сказала только одно:

— Сегодня кто-то опять решит, что суд — это бесплатная телепередача с его участием.

Катя подняла взгляд.

— Если этот кто-то начнёт кричать, я поставлю ему диагноз.

— Не ставь, — мрачно ответила Надя. — Лучше потом расскажешь.

И все почему-то сразу поняли: день будет длинным.

Глава 2. Истец, который всё уже решил

Истец пришёл в костюме, который явно считался дорогим. Костюм был серо-синий, блестящий на локтях, с галстуком цвета «я всё предусмотрел».

Рядом с ним не было адвоката. Он пришёл сам. И это, как сразу поняла Морозова, означало одно из двух: либо человек очень уверен в себе, либо очень опасен для окружающих. Иногда это одно и то же.

В зал вошёл прокурор. Молодой, собранный, с папкой и тем выражением лица, которое бывает у людей, уставших объяснять очевидное. Он кивнул судье, разложил документы и посмотрел на истца так, как смотрят на книгу, которая обещала быть краткой, а оказалась на четыреста страниц и с сюрпризами.

— Слушается гражданское дело, начала Морозова. По иску гражданина К. о лишении родительских прав бывшей супруги и взыскании алиментов. Стороны, представьтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.